

KING COUNTY LIBRARY SYSTEM

31000028953464

ОМАР ХАЙЯМ

самые мудрые

ПРИТЧИ
И АФОРИЗМЫ

**Самые мудрые
притчи и афоризмы
*Омара Хайяма***

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.222.1-84
ББК 84(0)4
О57

Дизайн обложки *Диана Бобешко*

Омар, Хайям.

О57 Самые мудрые притчи и афоризмы / Омар Хайям. – Москва: Издательство АСТ, 2016. – 272 с. – (Притчи и афоризмы).

ISBN 978-5-17-096545-8.

Эта книга собрала в себе самые мудрые притчи и афоризмы великого поэта Востока и одного из самых известных мудрецов и философов. Высказывания Омара Хайяма, передающиеся от поколения к поколению, наполнены глубоким смыслом, яркостью образа и изяществом ритма. С присущим Хайяму остроумием и саркастичностью он создал изречения, которые поражают своим юмором и лукавством. Они дают силы в трудную минуту, помогают справиться с нахлынувшими проблемами, отвлекают от неприятностей, заставляют думать и рассуждать.

**УДК 821.222.1-84
ББК 84(0)4**

ISBN 978-5-17-096545-8.

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Без хмеля и улыбок — что за жизнь?
Без сладких звуков флейты — что за жизнь?
Все, что на солнце видишь, — стоит мало.
Но на пиру в огнях светла и жизнь!

Один припев у Мудрости моей:
«Жизнь коротка, — так дай же волю ей!
Умно бывает подстригать деревья,
Но обкорнать себя — куда глупей!»

Живи, безумец!.. Трать, пока богат!
Ведь ты же сам — не драгоценный клад.
И не мечтай — не сговорятся воры
Тебя из гроба вытащить назад!

Ты обойден наградой? Позабудь.
Дни вереницей мчатся? Позабудь.
Небрежен Ветер: в вечной Книге Жизни
Мог и не той страницей шевельнуть...

Что там, за ветхой занавеской Тьмы
В гаданиях запутались умы.
Когда же с треском рухнет занавеска,
Увидим все, как ошибались мы.

Мир я сравнил бы с шахматной доской:
То день, то ночь... А пешки? — мы с тобой
Подвигают, притиснут — и побили.
И в темный ящик сунут на покой.

Мир с пегой клячей можно бы сравнить,
А этот всадник, — кем он может быть?
«Ни в день, ни в ночь, — он ни во что не верит!»
— А где же силы он берет, чтоб жить?

Умчалась Юность — беглая весна —
К подземным царствам в ореоле сна,
Как чудо-птица, с ласковым коварством,
Вилась, сияла здесь — и не видна...

Мечтанья прах! Им места в мире нет.
А если б даже сбылся юный бред?
Что, если б выпал снег в пустыне знойной?
Час или два лучей — и снега нет!

«Мир громоздит такие горы зол!
Их вечный гнет над сердцем так тяжел!»
Но если б ты разрыл их! Сколько чудных,
Сияющих алмазов ты б нашел!

Проходит жизнь — летучий караван.
Привал недолог... Полон ли стакан?
Красавица, ко мне! Опустит полог
Над сонным счастьем дремлющий туман.

В одном соблазне юном — чувствуй все!
В одном напеве струнном — слушай все!
Не уходи в темнеющие дали:
Живи в короткой яркой полосе.

Добро и зло враждуют: мир в огне.
А что же небо? Небо — в стороне.
Проклятия и яростные гимны
Не долетают к синей вышине.

На блескку дней, зажатую в руке,
Не купишь Тайны где-то вдалеке.
А тут — и ложь на волосок от Правды,
И жизнь твоя — сама на волоске.

Мгновеньями Он виден, чаще скрыт.
За нашей жизнью пристально следит.
Бог нашей драмой коротает вечность!
Сам сочиняет, ставит и глядит.

Хотя стройнее тополя мой стан,
Хотя и щеки — огненный тюльпан,
Но для чего художник своенравный
Ввел тень мою в свой пестрый балаган?

Подвижники изнемогли от дум.
А тайны те же сушат мудрый ум.
Нам, неучам, — сок винограда свежий,
А им, великим, — высохший изюм!

Что мне блаженства райские — «потом»?
Прошу сейчас, наличными, вином...
В кредит — не верю! И на что мне Слава:
Под самым ухом — барабанный гром?!

Вино не только друг. Вино — мудрец:
С ним разнотолкам, ересям — конец!
Вино — алхимик: превращает разом
В пыль золотую жизненный свинец.

Как перед светлым, царственным вождем,
Как перед алым, огненным мечом —
Теней и страхов черная зараза —
Орда врагов, бежит перед вином!

Вина! — Другого я и не прошу.
Любви! — Другого я и не прошу.
«А небеса дадут тебе прощенье?»
Не предлагают, — я и не прошу.

Ты опьянел — и радуйся, Хайям!
Ты победил — и радуйся. Хайям!
Придет Ничто — прикончит эти бредни.
Еще ты жив — и радуйся, Хайям.

В словах Корана многое умно,
Но учит той же мудрости вино.
На каждом кубке — жизненная пропись:
«Прильни устами — и увидишь дно!»

Я у вина — что ива у ручья:
Поит мой корень пенная струя.
Так Бог судил! О чем-нибудь он думал?
И брось я пить, — его подвел бы я!

Блеск диадемы, шелковый тюрбан,
Я все отдам, — и власть твою, султан,
Отдам святошу с четками в придачу
За звуки флейты и... еще стакан!

В учености — ни смысла, ни границ.
Откроет больше тайный взмах ресниц.
Пей! Книга Жизни кончится печально.
Украсть вином мелькание границ!

Все царства мира — за стакан вина!
Всю мудрость книг — за остроту вина!
Все почести — за блеск и бархат винный!
Всю музыку — за бульканье вина!

Прах мудрецов — уныл, мой юный друг.
Развеяна их жизнь, мой юный друг.
«Но нам звучат их гордые уроки!»
А это ветер слов, мой юный друг.

Все ароматы жадно я вдыхал,
Пил все лучи. А женщин всех желал.
Что жизнь? — Ручей земной блеснул на солнце
И где-то в черной трещине пропал.

Для раненой любви вина готовь!
Мускатного и алого, как кровь.
Залей пожар, бессонный, затаенный,
И в струнный шелк запутай душу вновь.

В том не любовь, кто буйством не томим,
В том хворостинок отсырелых дым.
Любовь — костер, пылающий, бессонный.
Влюбленный ранен. Он — неисцелим!

До щек ее добаться — нежных роз?
Сначала в сердце тысячи заноз!
Так гребень: в зубья мелкие изрежут,
Чтоб слаще плавал в роскоши волос!

Пока хоть искры ветер не унес, —
Воспламеняй ее весельем лоз!
Пока хоть тень осталась прежней силы,
Распутывай узлы душистых кос!

Ты — воин с сетью: уловляй сердца!
Кувшин вина — и в тень у деревца.
Ручей поет: «Умрешь и станешь глиной
Дан ненадолго лунный блеск лица».

«Не пей, Хайям!» Ну, как им объяснить,
Что в темноте я не согласен жить!
А блеск вина и взор лукавый милой —
Вот два блестящих повода, чтоб пить!

Мне говорят: «Хайям, не пей вина!»
А как же быть? Лишь пьяному слышна
Речь гиацинта нежная тюльпану,
Которой мне не говорит она!

Развеселись!.. В плен не поймать ручья?
Зато ласкает беглая струя!
Нет в женщинах и в жизни постоянства?
Зато бывает очередь твоя!

Любовь вначале — ласкова всегда.
В воспоминаньях — ласкова всегда.
А любишь — боль! И с жадностью друг друга
Терзаем мы и мучаем — всегда.

Шиповник алый нежен? Ты — нежней.
Китайский идол пышен? Ты — пышней.
Слаб шахматный король пред королевой?
Но я, глупец, перед тобой слабей!

Любви несем мы жизнь — последний дар?
Над сердцем близко занесен удар.
Но и за миг до гибели — дай губы,
О, сладостная чаша нежных чар!

«Наш мир — аллея молодая роз,
Хор соловьев и болтовня стрекоз».
А осенью? «Безмолвие и звезды,
И мрак твоих распущенных волос...»

«Стихий — четыре. Чувств как будто пять,
И сто загадок». Стоит ли считать?
Сыграй на лютне, — говор лютни сладок:
В нем ветер жизни — мастер опьянять...

В небесном кубке — хмель воздушных роз.
Разбей стекло тщеславно-мелких грез!
К чему тревоги, почести, мечтанья?
Звон тихий струн... и нежный шелк волос...

Не ты один несчастлив. Не гневи
Упорством Неба. Силы обнови
На молодой груди, упруго нежной...
Найдешь восторг. И не ищи любви.

Я снова молод. Алое вино,
Дай радости душе! А заодно
Дай горечи и терпкой, и душистой...
Жизнь — горькое и пьяное вино!

Сегодня оргия, — с моей женой,
Бесплодной дочкой Мудрости пустой,
Я развожусь! Друзья, и я в восторге,
И я женюсь на дочке лоз простой...

Не видели Венера и Луна
Земного блеска сладостней вина.
Продать вино? Хоть золото и веско, —
Ошибка бедных продавцов ясна.

Рубин огромный солнца засиял
В моем вине: заря! Возьми сандал:
Один кусок — певучей лютней сделай,
Другой — зажги, чтоб мир благоухал.

«Слаб человек — судьбы неверный раб,
Изобличенный я бесстыдный раб!»
Особенно в любви. Я сам, я первый
Всегда неверен и ко многим слаб.

Сковал нам руки темный обруч дней —
Дней без вина, без помыслов о ней...
Скупое время и за них взимает
Всю цену полных, настоящих дней!

На тайну жизни — где б хотя намек?
В ночных скитаньях — где хоть огонек?
Под колесом, в неугасимой пытке
Сгорают души. Где же хоть дымок?

Как мир хорош, как свеж огонь денниц!
И нет Творца, пред кем упасть бы ниц.
Но розы льнут, восторгом манят губы...
Не трогай лютни: будем слушать птиц.

Пируй! Опять настроишься на лад.
Что забегать вперед или назад! —
На празднике свободы тесен разум:
Он — наш тюремный будничный халат.

Пустое счастье — выскочка, не друг!
Вот с молодым вином — я старый друг!
Люблю погладить благородный кубок:
В нем кровь кипит. В нем чувствуется друг.

Жил пьяница. Вина кувшинов семь
В него влезало. Так казалось всем.
И сам он был — пустой кувшин из глины
На днях разбился... Вдребезги! Совсем!

Дни — волны рек в минутном серебре,
Песка пустыни в тающей игре.
Живи Сегодня. А Вчера и Завтра
Не так нужны в земном календаре.

Как жутко звездной ночью! Сам не свой.
Дрожишь, затерян в бездне мировой.
А звезды в буйном головокруженье
Несутся мимо, в вечность, по кривой...

Осенний дождь посеял капли в сад.
Взошли цветы. Пестреют и горят.
Но в чашу лилий брызни алым хмелем —
Как синий дым магнолий аромат...

Я стар. Любовь моя к тебе — дурман.
С утра вином из фиников я пьян.
Где роза дней? Ощипана жестоко.
Унижен я любовью, жизнью пьян!

Что жизнь? Базар... Там друга не ищи.
Что жизнь? Ушиб... Лекарства не ищи.
Сам не меняйся. Людям улыбайся.
Но у людей улыбок — не ищи.

Из горлышка кувшина на столе
Льет кровь вина. И все в ее тепле:
Правдивость, ласка, преданная дружба —
Единственная дружба на земле!

Друзей поменьше! Сам день ото дня
Туши пустые искорки огня.
А руку жмешь, — всегда подумай молча:
«Ох, замахнутся ею на меня!..»

«В честь солнца — кубок, алый наш тюльпан!
В честь алых губ — и он любовью пьян!»
Пируй, веселый! Жизнь — кулак тяжелый:
Всех опрокинет замертво в туман.

Смеялась роза: «Милый ветерок
Сорвал мой шелк, раскрыл мой кошелек,
И всю казну тычинок золотую,
Смотрите, — вольно кинул на песок».

Гнев розы: «Как, меня — царицу роз —
Возьмет торгош и жар душистых слез
Из сердца выжжет злою болью?!» Тайна!
Пой, соловей! «День смеха — годы слез».

Завел я грядку Мудрости в саду.
Ее лелеял, поливал — и жду..
Подходит жатва, а из грядки голос:
«Дождем пришла и ветерком уйду».

Я спрашиваю: «Чем я обладал?
Что впереди?.. Метался, бушевал...
А станешь прахом, и промолвят люди:
«Пожар короткий где-то отпылал».

- Что песня, кубки, ласки без тепла? —
- Игрушки, мусор детского угла.
- А что молитвы, подвиги и жертвы?
- Сожженная и дряхлая зола.

Ночь. Ночь кругом. Изрой ее, взволнуй!
Тюрьма!.. Все он, ваш первый поцелуй,
Адам и Ева: дал нам жизнь и горечь,
Злой это был и хищный поцелуй.

— Как надрывался на заре петух!
— Он видел ясно: звезд огонь потух.
И ночь, как жизнь твоя, прошла напрасно.
А ты проспал. И знать не знаешь — глух.

Сказала рыба: «Скоро ль поплывем?
В арыке жутко — тесный водоем».
— Вот как зажарят нас, — сказала утка, —
Так все равно: хоть море будь кругом!»

«Из края в край мы к смерти держим путь.
Из края смерти нам не повернуть».
Смотри же: в здешнем караван-сараяе
Своей любви случайно не забудь!

«Я побывал на самом дне глубин.
Взлетал к Сатурну. Нет таких кручин,
Таких сетей, чтоб я не мог распутать...»
Есть! Темный узел смерти. Он один!

«Предстанет Смерть и скосит наяву,
Безмолвных дней увядшую траву...»
Кувшин из праха моего слепите:
Я освежусь вином — и оживу.

Гончар. Кругом в базарный день шумят...
Он топчет глину, целый день подряд.
А та угасшим голосом лепечет:
«Брат, пожалей, опомнись — ты мой брат!..»

Сосуд из глины влагой разволнуй:
Услышишь лепет губ, не только струй.
Чей это прах? Целую край — и вздрогнул:
Почудилось — мне отдан поцелуй.

Нет гончара. Один я в мастерской.
Две тысячи кувшинов предо мной.
И шепчутся: «Предстанем незнакомцу
На миг толпой разряженной людской»

Кем эта ваза нежная была?
Вздохателем! Печальна и светла.
А ручки вазы? Гибкою рукою
Она, как прежде, шею обвила.

Что алый мак? Кровь брызнула струей
Из ран султана, взятого землей.
А в гиацинте — из земли пробился
И вновь завился локон молодой.

Над зеркалом ручья дрожит цветок;
В нем женский прах: знакомый стебелек.
Не мни тюльпанов зелени прибрежной:
И в них — румянец нежный и упрек...

Сияли зори людям — и до нас!
Текли дугою звезды — и до нас!
В комочке праха сером, под ногою
Ты раздавил сиявший юный глаз.

Светает. Гаснут поздние огни.
Зажглись надежды. Так всегда, все дни!
А свечереет — вновь зажгутся свечи,
И гаснут в сердце поздние огни.

Вовлечь бы в тайный заговор Любовь!
Обнять весь мир, поднять к тебе Любовь,
Чтоб, с высоты упавший, мир разбился,
Чтоб из обломков лучшим встал он вновь!

Бог — в жилах дней. Вся жизнь — Его игра.
Из ртути он — живого серебра.
Блеснет луной, засеребрится рыбкой...
Он — гибкий весь, и смерть — Его игра.

Прощалась капля с морем — вся в слезах!
Смеялось вольно Море — все в лучах!
«Взлетай на небо, упадай на землю, —
Конец один: опять — в моих волнах».

Сомненье, вера, пыл живых страстей —
Игра воздушных мыльных пузырей:
Тот радугой блеснул, а этот — серый...
И разлетятся все! Вот жизнь людей.

Один — бегущим доверяет дням,
Другой — туманным завтрашним мечтам,
А муэдзин вещает с башни мрака:
«Глупцы! Не здесь награда, и не там!»

Вообрази себя столпом наук,
Старайся вбить, чтоб зацепиться, крюк
В провалы двух пучин — Вчера и Завтра..
А лучше — пей! Не трать пустых потуг.

Влек и меня ученых ореол.
Я смолоду их слушал, споры вел,
Сидел у них... Но той же самой дверью
Я выходил, которой и вошел.

Таинственное чудо: «Ты во мне».
Оно во тьме дано, как светоч, мне.
Брожу за ним и вечно спотыкаюсь:
Само слепое наше «Ты во мне».

Как будто был к дверям подобран ключ.
Как будто был в тумане яркий луч.
Про «Я» и «Ты» звучало откровенье...
Мгновенье — мрак! И в бездну канул ключ!

Как! Золотом заслуг платить за сор —
За эту жизнь? Навязан договор,
Должник обманут, слаб... А в суд потянут
Без разговоров. Ловкий кредитор!

Чужой стряпни вдыхать всемирный чад?!
Класть на прорехи жизни сто заплат?!
Платить убытки по счетам Вселенной?!
— Нет! Я не так усерден и богат!

Во-первых, жизнь мне дали, не спросясь.
Потом — невязка в чувствах началась.
Теперь же гонят вон... Уйду! Согласен!
Но замысел неясен: где же связь?

Ловушки, ямы на моем пути.
Их Бог расставил. И велел идти.
И все предвидел. И меня оставил.
И судит тот, кто не хотел спасти!

Наполнив жизнь соблазном ярких дней,
Наполнив душу пламенем страстей,
Бог отречения требует: вот чаша —
Она полна: нагни — и не пролей!

Ты наше сердце в грязный ком вложил.
Ты в рай змею коварную впустил.
И человеку — Ты же обвинитель?
Скорей проси, чтоб он Тебя простил!

Ты налетел, Господь, как ураган:
Мне в рот горсть пыли бросил, мой стакан
Перевернул и хмель бесценный пролил...
Да кто из нас двоих сегодня пьян?

Я суеверно идиолов любил.
Но лгут они. Ничьих не хватит сил...
Я продал имя доброе за песню,
И в мелкой кружке славу утопил.

Казнись, и душу Вечности готовь,
Давай зароки, отвергай любовь.
А там весна! Придет и вынет розы.
И покаянья плащ разорван вновь!

Все радости желанные — срывай!
Пошире кубок Счастью подставляй!
Твоих лишений Небо не оценит.
Так лейтесь, вина, песни, через край!

Монастырей, мечетей, синагог
И в них трусишек много видел Бог.
Но нет в сердцах, освобожденных солнцем,
Дурных семян: невольничьих тревог.

Вхожу в мечеть. Час поздний и глухой.
Не в жажде чуда я и не с мольбой:
Когда-то коврик я стянул отсюда,
А он истерся. Надо бы другой...

Будь вольнодумцем! Помни наш зарок:
«Святоша — узок, лицемер — жесток».
Звучит упрямо проповедь Хайяма:
«Разбойничай, но сердцем будь широк!»

Душа вином легка! Неси ей дань:
Кувшин округло-звонкий. И чекань
С любовью кубок: чтобы в нем сияла
И отражалась золотая грань.

В вине я вижу алый дух огня
И блеск иголок. Чаша для меня
Хрустальная — живой осколок неба.
«А что же Ночь? А Ночь — ресницы Дня...»

Умей всегда быть в духе, больше пей,
Не верь убогой мудрости людей,
И говори: «Жизнь — бедная невеста!
Приданое — в веселости моей».

Да, виноградная лоза к пятам
Моим пристала, на смех дервишам.
Но из души моей, как из металла,
Куется ключ, быть может, — к небесам.

От алых губ — тянись к иной любви.
Христа, Венеру — всех на пир зови!
Вином любви смягчай неправды жизни.
И дни, как кисти ласковые, рви.

Прекрасно — зерен набросать полям!
Прекрасней — в душу солнце бросить нам!
И подчинить Добру людей свободных
Прекраснее, чем волю дать рабам.

Будь мягче к людям! Хочешь быть мудрей? —
Не делай больно мудростью своей.
С обидчицей-Судьбой воюй, будь дерзок.
Но сам клянись не обижать людей!

Просило сердце: «Поучи хоть раз!»
Я начал с азбуки: «Запомни — «Аз».
И слышу: «Хватит! Все в начальном слоге,
А дальше — беглый, вечный пересказ».

Ты плачешь? Полно. Кончится гроза.
Блеснет алмазом каждая слеза.
«Пусть Ночь потушит мир и солнце мира!»
Как?! Все тушить? И детские глаза?

Закрой Коран. Свободно оглянись
И думай сам. Добром — всегда делись.
Зла — никогда не помни. А чтоб сердцем
Возвыситься — к упавшему нагнись.

Подстреленная птица — грусть моя,
Запраталась, глухую боль тая.
Скорей вина! Певучих звуков флейты!
Огней, цветов, — шучу и весел я!

Не изменить, что нам готовят дни!
Не накликай тревоги, не темни
Лазурных дней сияющий остаток.
Твой краток миг! Блаженствуй и цени!

Мяч брошенный не скажет: «Нет!» и «Да!»
Игрок метнул, — стремглав лети туда!
У нас не спросят: в мир возьмут и бросят.
Решает Небо — каждого куда.

Рука упрямо чертит приговор.
Начертан он? Конец! И с этих пор
Не сдвинут строчки и не смоют слова
Все наши слезы, мудрость и укор.

Поймал, накрыл нас миской небосклон,
Напуган мудрый. Счастлив, кто влюблен.
Льнет к милой жизни! К ней прильнул устами
Кувшин над чашей — так над нею он!

Кому легко? Неопытным сердцам.
И на словах — глубоким мудрецам.
А я глядел в глаза жестоким тайнам
И в тень ушел, завидуя слепцам.

Храни, как тайну. Говори не всем:
Был рай, был блеск, не тронутый ничем
А для Адама сразу неприятность:
Вогнали в грусть и выгнали совсем!

В полях — межа. Ручей, Весна кругом.
И девушка идет ко мне с вином,
Прекрасен Миг! А стань о вечном думать -
И кончено: поджал ты хвост щенком!

Вселенная? — взор мимолетный мой!
Озера слез? — все от нее одной!
Что ад? — Ожог моей душевной муки.
И рай — лишь отблеск радости земной!

Наполнить камешками океан
Хотят святоши. Безнадежный план!
Пугают адом, соблазняют раем...
А где гонцы из этих дальних стран?

Не правда ль, странно? — сколько до сих пор
Ушло людей в неведомый простор
И ни один оттуда не вернулся.
Все б рассказал я — кончен был бы спор!

«Вперед! Там солнца яркие снопы!»
«А где дорога?» — слышно из толпы.
«Нашел... найду...» — Но прозвучит тревогой
Последний крик: «Темно, и ни тропы!»

Ты нагрешил, запутался, Хайям?
Не докучай слезами Небесам.
Будь искренним! А смерти жди спокойно:
Там — или Бездна, или Жалость к нам!

О, если бы в пустыне просиял
Живой родник и влагой засверкал!
Как смятая трава, приподнимаясь,
Упавший путник ожил бы, привстал.

Где цвет деревьев? Блеск весенних роз?
Дней семицветный кубок кто унес?..
Но у воды, в садах, еще есть зелень...
Прожгли рубины одеянья лоз...

Каких я только губ не целовал!
Каких я только радостей не знал!
И все ушло... Какой-то сон бесплотный
Все то, что я так жадно осязал!

Кому он нужен, твой унылый вздох?
Нельзя, чтоб пир растерянно заглох!
Обещан рай тебе? Так здесь устройся,
А то расчет на будущее плох!

Вниманье, странник! Ненадежна даль.
Из рук змеится огненная сталь.
И сладостью обманно-горькой манит
Из-за ограды ласковый миндаль.

Среди лужайки — тень, как островок,
Под деревцом. Он манит, недалек!..
Стой, два шага туда с дороги пыльной!
А если бездна ляжет поперек?

Не евши яблоч с дерева в раю,
Слепой щенок забился в щель свою.
А съевшим видно: первый день творенья
Завел в веках пустую толчею.

На самый край засеянных полей!
Туда, где в ветре тишина степей!
Там, перед тронем золотой пустыни,
Рабам, султану — всем дышать вольней!

Встань! Бросил камень в чашу тьмы Восток!
В путь, караваны звезд! Мрак изнемог...
И ловит башню гордую султана
Охотник-Солнце в огненный силок.

Гончар лепил, а около стоял
Кувшин из глины: ручка и овал...
И я узнал султана череп голый,
И руку, руку нищего узнал!

«Не в золоте сокровище, — в уме!»
Не бедный жалок в жизненной тюрьме!
Взгляни: поникли головы фиалок,
И розы блекнут в пышной бахrome.

Султан! При блеске звездного огня
В века седлали твоего коня.
И там, где землю тронет он копытом,
Пыль золотая выбьется звеня.

«Немного хлеба, свежая вода И тень...»
Скажи, но для чего тогда
Блистательные, гордые султаны?
Зачем рабы и нищие тогда?

Вчера на кровлю шахского дворца
Сел ворон. Череп шаха-гордеца
Держал в когтях и спрашивал: «Где трубы?
Трубите шаху славу без конца!»

Жил во дворцах великий царь Байрам.
Там ящерицы. Лев ночует там.
А где же царь? Ловец онагров диких
Навеки пойман — злейшею из ям.

Нас вразумить? Да легче море сжечь!
Везде, где счастье, — трещина и течь!
Кувшин наполнен? Тронешь — и прольется
Бери пустой! Спокойнее беречь.

Земная жизнь — на миг звенящий стон.
Где прах героев? Ветром разметен,
Клубится пылью розовой на солнце...
Земная жизнь — в лучах плывущий сон.

Расшил Хайям для Мудрости шатер, —
И брошен Смертью в огненный костер.
Шатер Хайяма Ангелом порублен.
На песни продан золотой узор.

Огней не нужно, слуги! Сколько тел!
Переплелись, а лица — точно мел.
В неясной тьме... А там, где Тьма навеки?
Огней не нужно: праздник отшумел!

Конь белый Дня, конь Ночи вороной,
Летят сквозь мир в дворец мечты земной:
Все грезили его недолгим блеском!
И все очнулись перед нищей Тьмой!

Не смерть страшна. Страшна бывает жизнь,
Случайная, навязанная жизнь...
В потемках мне подсунули пустую.
И без борьбы отдам я эту жизнь.

Познай все тайны мудрости! — А там?..
Устрой весь мир по-своему! — А там?..
Живи беспечно до ста лет счастливец...
Протянешь чудом до двухсот!.. — А там?.

Земля молчит. Пустынные моря
Вздыхают, дрожью алою горя.
И круглое не отвечает небо,
Все те же дни и звезды нам даря.

О чем ты вспомнил? О делах веков?
Истертый прах! Заглохший лепет слов!
Поставь-ка чашу — и вдвоем напьемся
Под тишину забывчивых миров!

Дождем весенним освежен тюльпан.
А ты к вину протягивай стакан.
Любуйся: в брызгах молодая зелень!
Умрешь — и новый вырастет тюльпан!

Жизнь отцветает, горестно легка...
Осыплется от первого толчка...
Пей! Хмурый плащ — Луной разорван в небе.
Пей! После нас — Луне сиять века...

Вино, как солнца яркая стрела:
Пронзенная, зашевелится мгла,
Обрушен горя снег обледенелый!
И даль в обвалах огненно светла!

Ночь на земле. Ковер земли и сон.
Ночь под землей. Навес земли и сон.
Мелькнули тени, где-то зароились —
И скрылись вновь. Пустыня... тайна... сон.

Жизнь расточай! За нею — полный мрак,
Где ни вина, ни женщин, ни гуляк...
Знай (но другим разбалтывать не стоит!),
Осыпался и кончен красный мак!

Предстанет Ангел там, где пел речей,
Безмолвный Ангел с чашей. Будет в ней
Напиток смерти темный. И приблизит
Ее к губам. И ты без страха пей!

Кто розу нежную любви привил
К порезам сердца, — не напрасно жил!
И тот, кто сердцем чутко слушал бога,
И тот, кто хмель земной услады пил!

Дал Нишапур нам жизнь иль Вавилон,
Льет кубок сладость или горек он? —
По капле пей немую влагу Жизни!
И жизнь по капле высохнет, как сон.

Как месяц, звезды радуга кругом,
Гостей обходит кравчий за столом.
Нет среди них меня! И на мгновенье
Пустую чашу опрокинь вверх дном.

О, если бы крылатый Ангел мог,
Пока не поздно, не исполнен срок,
Жестокий свиток вырвать, переправить
Иль зачеркнуть угрозу вещей строк!

О, если бы покой был на земле!
О, если бы покой найти в земле!
Нет! — оживешь весеннею травой
И будешь вновь растоптан на земле.

Вина пред смертью дайте мне, в бреду!
Рубином вспыхнет воск, и я уйду..
А труп мой пышно лозами обвейте
И сохраните в дремлющем саду.

Холм над моей могилой, — даже он! —
Вином душистым будет напоен.
И подойдет поближе путник поздний
И отойдет невольно, опьянен.

В зерне — вся жатва. Гордый поздний брат
Из древнего комочка глины взят.
И то, что в жизнь вписало Утро мира, —
Прочтет последний солнечный Закат.

День утопает в сумерках. Немой
И постный день. Я в лавке-мастерской
У гончара. Изделия из глины...
И я один с их странною толпой.

Их множество! На полках, на полу...
Большие, малые... Сквозь полумглу
Я плохо вижу. Различаю шепот.
Но есть совсем безмолвные в углу.

Кувшин храбрится: «Да, я из земли!
Но раз меня оттуда извлекли,
Раз дали форму, блеск — не с тем, конечно,
Чтоб снова сделать глыбою земли!»

Другой спокоен: «Даже будь сердит,
Раз на столе кувшин с вином стоит,
Не разобьешь! Чтоб тот, кто сам же лепит,
Стал разбивать? Не может быть! Грозит!»

Молчание. И вздох исподтишка
Нескладного щербатого горшка:
«Все надо мной смеются... Кто ж виною,
Что дрогнула у мастера рука?»

Еще болтун-горшок. Довольно стар.
В скуфейской шапочке. В нем пышет жар:
«Я был тобой! Ты — станешь глиной, мною!
Так кто ж из нас горшок и кто — гончар?»

«А вот, — вставляет кто-то, — говорят,
Что будет смотр: и кто испорчен — в Ад
Швырнут, и — вдребезги! Не верю! Сплетни!
Наш Добрый Друг устроит все на лад...»

Непроданный, забытый на краю:
«Совсем иссох — так долго здесь стою!
Но если б мне, бедняге, дали влаги —
Воспряну в миг! Весь мир я напою!»

Болтали долго. Шел нестройный гул.
Вдруг ясный месяц в окна заглянул.
И все врасплох забормотали: «Тише!
Дозорный сторож! Спать!..» И мрак уснул.

От веры к бунту — легкий миг один.
От правды к тайне — легкий миг один.
Испей полнее молодость и радость!
Дыханье жизни — легкий миг один.

«Вино пить — грех». Подумай, не спеши!
Сам против жизни явно не гречи.
В ад посылать из-за вина и женщин?
Тогда в раю, наверно, ни души.

Вино всей жизни ходу поддает.
Сам для себя обуза, кто не пьет.
А дай вина горе — гора запляшет.
Вино и старым юности прильет!

Вино и губки милой... Да, это истощит
И звонкие монеты, и Вышнего кредит.
Но не пугай, не страшно. Скажи, ты сам видал
Тот рай, что так влечет нас, тот ад, что нам грозит?

Нем царь Давид! Стих жалобный псалом.
А соловей санскритским языком
Кричит: «Вина, вина! — над желтой розой, —
Пей! Алой стань и вспыхни торжеством».

«От ран души вином себя избавь...»
Тогда на стол все вина мира ставь.
Моя душа изранена... Все вина
Давай сюда. Но раны мне оставь.

Ты — рудник, коль на поиск рубина идешь,
Ты — любим, коль надеждой свиданья живешь.
Вникни в суть этих слов — и нехитрых, и мудрых:
Все, что ищешь, в себе непременно найдешь!

Здесь, в сосуде — душа — кто-то так полагал
И без долгих трудов бытием называл.
Благочестье, наука, мольбы и исканья —
Только узкие тропки... А где же привал?

Кто письмо красноречья пером начертал,
Как алиф стан любимой притом начертал.
Начертал он однажды его для примера,
Ученик же стократно потом начертал.

Тот, кто в сердце своем тайны духа познал,
Тот читает в сердцах, кто б пред ним ни стоял.
Сам он — море, ныряльщик и жемчуг бесценный!
Вникни в мудрость того, что сейчас я сказал!

Как добро, так и зло в жизни бременной пройдет,
Радость, как и печаль, несомненно, пройдет...
Наша жизнь такова: как ее проведем мы —
Иль в боренье, иль в скорби согбенной пройдет.

Ест богач свой кебаб на обед — все пройдет,
Пьет хмельное вино он чуть свет — все пройдет.
А дервиш мочит хлеб в своей нищенской чашке,
Бесприютный, в лохмотья одет — все пройдет...

Что есть горе, чтоб так безутешно рыдать
Или флаги веселья в пиру приспускать?
Прежде, чем принесет оно горькую смуту,
Из владений души его надо изгнать!

Наш старый мир опять не станет молодым,
Желания в делах — неуловимый дым.
О, кравчий! Дашь вина или жаждущих отринеш
Мы все равно придем лишь к немочам своим...

Свод законов для жизни несет шариат
В исполненье его обретен тарикат.
В сочетанье науки и чистых деяний
Драгоценности истины в мире лежат.

Сколько тех, кто примерив дервишеский лик,
В жажде правды к истокам ее не преник!
Сколько их, болтунов об «алифе» и «ламе»,
Кто позорить лицо человека привык!

Сколько тех, кто не смог дотянуть до утра,
Сколько тех, кто не знает дороги добра!
Сколько тех, кто позорили лик человека —
В украшениях из золота и серебра!

В час, когда совершилось начало начал,
Рад был каждый и большего не ожидал.
Спор о большем всегда становился лишь ссорой
Вот мораль, чтобы жадным ты в жизни не стал.

Люди веры проникли в высокую суть,
Недалеким туда не дано заглянуть.
И забавно ведь, что в постижении Правды
Часто видит народ еретический путь!

Кто познания вино призван в жизни вкусить,
Обо всем, что — не Бог, должен он позабыть.
Тем, кому дан язык, не дозволено видеть,
Тем, кто зрячим рожден, не дано говорить.

Кто рожден в красоте счастья лик созерцать,
Тому мир будет множеством граней мерцать —
Украшает шитьем для красавицы платье
И умеет изнанку душой понимать!

Посмотри, караван в бытие к нам ведут,
Как шагают свободно, без тягостных пут!
Им, идущим, неведомы наши заботы,
Посему так беспечно идут и идут...

Не тоскуй же! Пока этот мир будет жить,
Людям имя твое и твой след не забыть.
Пока на небе движутся стройно светила,
Мысль твоя — это к Сути незримая нить.

Не пристало хороших людей обижать,
Не пристало, как хищник в пустыне, рычать.
Не умно похваляться добытым богатством
Не пристало за знания себя почитать!

Человек — это истина мира, венец —
Знает это не каждый, а только мудрец.
Выпей каплю вина, чтоб тебе не казалось,
Что творения все — на один образец.

Не мужчина, кто холить свой облик привык,
Кто стремится понравиться каждый свой миг.
Будь же мужествен всюду, укрась свою душу,
Ибо женщина — муж, украшающий лик!

Когда время придет и душа отлетит,
Вещи к сути своей этот миг возвратит.
Мудрый ход бытия и четыре стихии
Вдруг утратят навек гармонический вид.

Говорят, человек ремесло должен знать,
С идеалом отца все деянья сверять.
В наше время, однако, иначе считают:
«Пустяки! Надо золотом лишь обладать!»

Нужен жемчуг — ныряльщиком надобно стать
И четыре уменя в себе воспитать:
Верить другу, готовым быть с жизнью расстаться,
Не дышать и в кипучую бездну нырять!

Дух — ты разум, Всеведущим в мире ты будь
И ищи милосердия праведный путь!
Белый сокол ты в добрых руках у Султана,
И в руинах ли место познавшему суть?

Почему в барабан этот снова стучат? —
Чтобы сокол заблудший вернулся назад.
Почему этой птице глаза прикрывают? —
Чтоб не видел ненужное сокола взгляд.

Неразумные люди с начала веков
Вместо истины тешились радугой слов;
Хоть пришли им на помощь Иисус с Мухаммадом,
Не проникли они в сокровенность основ.

Не боится ни бурь, ни штормов океан,
Человек! Отличай от людей обезьян!
Не рождается зло от добра и обратно...
Различать их нам взгляд человеческий дан!

Здесь ристалище смерти, дорога невзгод,
Путь для тех, кто всегда лишь по вере живет.
Благородному надобно быть каландаром,
Чтоб бродягой идти без опаски вперед.

Ты представь, что ты в жизни высоко взлетел,
Ты представь, что сполна получил, что хотел.
Взял сокровища в жизни ты полною мерой,
Ты представь: все оставить — конечный удел!

Считай, что ты достиг желанного в делах,
Считай — жизнь кончилась, и ты — безмолвный прах
Ты говорил, что ты желанного добьешься, Считай,
хоть вряд ли так, — что все — в твоих руках.

Не от слова идет к людям Истины суть,
За дары не дано в ее тайны взглянуть.
Пока сердце не в ранах, не страждешь полвека,
Не покажут тебе к озарению путь.

Если в гуще толпы ты безмолвно живешь,
Ты, о сердце, колосья безбожия жнешь.
Удались, терпеливый, в пустынную землю,
Подивишься тому, что ты там обретешь.

Две Каабы для веры нам создал Творец —
Бытия и сердец, это — веры венец.
Поклоняйся Каабе сердец, пока можешь,
Выше тысяч Кааб — и одно из сердец!

Ты, кто жизнь дорогую по ветру пустил
И со смертью подчас непочтительным был,
Рассчитал ты свой путь наперед лет на двести,
Но у рока отсрочки на час не просил.

Осуждает Господь этих жадных людей,
И скупец гибнет в жарком огне, как злодей.
Так пророком начертано: лучше неверный,
Если он мусульманина будет щедрей.

Сердце молвило: «Капле мы бедной равны.
Берегов нам не видеть далекой страны!»
Эта капля, попав в бесконечное море,
Закричала: «Мы — море большой глубины!»

В теле мира душа — это Истины суть,
Твари — чувства, что миру наполнили грудь
Элементы, природа — лишь органы тела,
Все в единстве проходит начертанный путь!

Не охотник — о дичи ты речь не веди,
О нечитанной книге нигде не суди!
Если Истина спросит о собственной сути, —
Об увиденном молви, а суть обойди.

Смело к нищим иди, независимым будь,
С лика сердца пятно только смыть не забудь!
А заблудшему молви: познай свою душу —
И по сердцу тогда выбирай себе путь!

Человек этот жалкий мой ум изумил —
В этой жизни он ищет опор и стропил!
Хоть на свете не видно даров для живущих,
Он — как ветер и тень в расточительстве сил!

Лишь душа — светлой Истины суть и ядро,
На одежде души — божий лик и добро.
Все, что знак бытия в своем облике носит,
Есть иль Бог, иль сиянье Его серебра!

Коль с родным рудником связь земную порвал,
Оглянись, что ты есть и куда ты попал!
Потерял ты в душе то, что вложено Богом,
И дорогу ко храму его потерял!

Благородству присущи и смелость и честь.
Это все в мудрецах многоопытных есть.
В чем же тайна любви к кучке праха земного?
Грязь на лик благородства не может осесть.

Признаешь превосходство других, значит — муж,
Коль хозяин в поступках своих, значит — муж.
Чести нет в униженье того, кто повержен,
Добр к упавшим в несчастьи их, значит — муж!

Если в месяце дее кислит виноград,
Отчего он потом нам — источник услад?
Кто-то смог изготовить рубаб из полена,
А среди тростника нежно флейты шумят.

Ищешь чашу Джамшидову каждый ты миг,
Весь в сомненьях — путь верный искать не привык.
Посмотри, ведь частицы души — это чаши,
Где, как в зеркале, виден творения лик!

В облаках ты паришь — с облаков низведут,
Благоденствуешь — силой к нужде приведут.
Распрощайся с невежеством, если не поздно,
Не обидь никого, если с просьбой придут.

Тот, кто пользу умеет извлечь из вина,
Разве пьян? Голова его дивно ясна.
Для глупца при излишестве вред несомненен,
При разумном питье — только польза одна.

Умертвить червь порока — желанье одно,
От людей быть далеко — желанье одно.
В стороне бы держаться при том, что творится
От превратностей рока — желанье одно.

Мир прекрасен! На все благодарно взирай!
Нам для жизни Господь подарил этот рай!
За бездомность, которую друг не осудит,
Горьким словом упрека ты нас не карай.

Эта тайна вне тайн и мечтаний, что есть,
Этот свет ярче всяких сияний, что есть.
И не радуйся всякому делу, что в мире
Для тебя всех превыше деяний, что есть.

Мы не знаем, протянется ль жизнь до утра...
Так спешите же сеять вы зерна добра!
И любовь в тленном мире к друзьям берегите
Каждый миг пуще золота и серебра.

Ты, стремящийся в вечность дорогу найти,
Можешь в светлой молитве ты много найти.
Бог — в тебе, а великое небо есть в сердце,
Лишь в себе — где еще тебе Бога найти?

Ты доколь огорчения будешь терпеть,
Чтобы в жизни двухдневной в делах преуспеть?
Пей вино! Перестань быть корыстным и жадным!
Где Карун и где клад? — вот на это ответь!

Верен времени будь и к Кавсару склонись,
Рай и ад позабудь и от них откажись.
Шелк чалмы на вино променяй, и без страха,
Обмотавшись тряпицей, ты блеска лишишь!

Кто растит свою плоть на вакуфе чужом,
Станет хитрой лисой, будь рожден даже львом.
Если ты бескорыстен, то дай подтвержденье,
Что не радуешь плоть ты вакуфа куском.

Благородные люди друг друга любя,
Видят горе других, забывают себя.
Если чести и блеска зеркал ты желаешь, —
Не завидуй другим, — и возлюбят тебя.

Не исполнивши мудрых велений тебе,
Свойств души благородной ты жаждешь себе
Не искавшему путь вряд ли путь и укажут —
Постучись — и откроются двери к судье!

По дороге идешь — незаметным иди
В бытии у людей чувств плохих не буди!
Не кажись предводителем возле мечети
И в имамы поэтому не угоди.

Надо зрячим во взглядах и виденье быть,
Отстраненным от благ научиться прожить.
Не дано тебе зрение виденья Бога,
Раз не можешь величье Его оценить.

О, ходжа, коль дела неудачно идут,
Если не о тебе в хутбе речи ведут,
Не тужи! Стань владельцем дел сего мира,
Если жадность с корыстью тебя не убьют.

Оба глаза закрой — сердце станет, как глаз,
Мир другим ты узришь, окружающий нас.
Откажись же от личных своих притязаний
Одобренье последует в этот же час!

Кому ключ от преград дан, чтоб им обладать,
Тот от жизни своей властен след оставлять.
Высших благ он людьми должен быть удостоен!
Кто уныл? Надо радости жизни вкушать!

Тем, что свыше дано, ты одним и богат,
Не терпи столько мук от сердечных услад.
Не бери же ты на душу тяжкую ношу —
Все оставишь, уйдешь, не вернешься назад.

Ты беспечен, Омар, не шагай в бытии —
Между безднами небытия ведь идти!
И как был ты ничем при начале творенья,
Так стократно ничем удалишься с пути!

Прекратишь ли ты злато считать, наконец,
И огнем беспощадным пылать, наконец?
Лишь два дня был ты в топке, наполненной горем,
И что ждет, наперед не узнать, наконец!

Не стремись ты вперед и кичливым не будь,
Сам собою пребудь, но ленивым не будь.
Если Богу единому хочешь молиться,
Не гляди, не внимай. Нетерпимым не будь!

Эй, идущий, ты слаб в передрыге не будь,
Будь спокоен, подобным бродяге не будь!
В свою душу всмотришь, прозорливый мужчина,
Ты — не зритель! В пути без отваги не будь!

Не ищи себе друга по чуждым углам,
С ним невзгоды свои не дели пополам.
Будь один, сам найди от страданий лекарство,
Утешитель же твой пусть излечится сам.

Ты пришел, чтоб над нами властителем быть,
Так опомнись, чтоб этого зла не свершить!
Был никем ты вчера, ты никем станешь завтра,
Знаешь только, как можешь сегодня прожить.

Не преследуй людей по наветам чужим,
Меж людей будь разумен, и добр, и терпим.
Скажешь: «Зло я творил не по собственной воле»
Не поверит никто оправданиям твоим!

Каждый миг, о, кумир, ты жеманной не будь,
В себялюбии столь постоянной не будь.
Шагом ровным иди и не хмурь больше брови,
Для влюбленных врагом непрестанно не будь!

Сердце, в жизни от пьянства подальше держись,
Полных кубков в застолии ты сторонись!
Есть в вине — исцеление, в пьянстве — страданье,
Ты не бойся лекарства, болеть — берегись.

К тайнам ты не пускай подлеца — их скрывай,
И секреты храни от глупца — их скрывай,
Посмотри на себя меж людей проходящих,
О надеждах молчи до конца — их скрывай!

Ищешь Бога ты всюду и ночью, и днем,
Ищешь ты вне себя, слеп в мечтаньях о Нем
Бог тебе говорит на наречиях разных:
«Ищешь где и кого? Я — в тебе же самом!»

Живи праведно, будь тем доволен, что есть,
Живи вольно, храни и свободу, и честь.
Не горюй, не завидуй тому, кто богаче,
Кто беднее тебя, — тех на свете не счесть!

В мире радость твори и другим и себе,
Живи вольно, вручив свое тело судьбе.
Откажись от того, чего завтра лишишься,
Живи всласть, не сгорая в бесплодной борьбе!

Если ты удручен и измучен судьбой,
К небесам обращенный бесплодной мольбой,
Берегись! — и из рук подлеца даже воду
Не бери, хоть бы пламя играло тобой!

Будешь людям служить — будешь ими любим,
Другом верным, желанным становишься им.
Муравья лучше гостем принять в своем доме,
Чем быть принятым в дом Соломоном самим.

Мусульманин, еврей иль язычник ты есть —
Жертвуй жизнью, чтоб душу до Бога донести.
Будь прямой, как стрела, в соблюдении веры!
Иль — лежать в колчане тебе скромная честь.

О, невежеством пьяное сердце мое,
Ты доколь будешь славить пустое житье?
Если ты не исчезло в пучине из пены,
Так доколь не оставишь распутство свое?

Как дитя ты, о сердце, по малости лет —
Есть горенье желаний, отваги же нет.
Где взять дружбу без боли разлуки полнощной,
Не узрев искушенья сжигающий свет?

Коль не дашь всем помехам и связям отказ —
Не свершишь ты ни разу достойно намаз.
Не покинешь силков нищеты или скорби,
Не отркнешись от всех — от себя и от нас!

Не теряй никогда в жизни мудрости суть,
Не теряй, чтоб к добру или злобе прильнуть!
Ты — и путник, и путь, и привал на дороге, —
Не теряй же к себе возвращения путь!

Ниспошлют испытанье — что сделаешь ты?
Причинишь ли страданье — что сделаешь ты?
Если горем убитый в моленье бессонном
Оскорбит тебя бранью — что сделаешь ты?

Эй, возникший из семени, вслушайся, друг:
Есть губительных свойств и бесчестия круг.
Избегай же бахвальства, стяжательства, спеси,
Черной зависти, скупости, жадности рук!

Не ищи друга в мире, в обители лжи,
И хадис этот мудрый к себе приложи:
«Со страданьем мирись и не жди исцеленья,
Не ищи утешителя и не тужи!»

Эй, несчастный, ты выпей, не плачь — веселись!
От времен и безвременья весь отделись!
Жар тоски окропи этой чудною влагой
До того, как душа взмоет в светлую высь!

Пока сердца глаза не сумеешь раскрыть,
До тех пор прозорливым не сможешь ты быть.
Выпей чашу вина вот из этого жбана,
Не теряй же надежды ведущую нить!

Помни: толки толпы — ветер, он лишь шумит!
Тех, кто радость душе непрерывно дарит,
Не губи никогда, вняв пустым наговорам —
Мир, как мы, в своей памяти много хранит!

Кто привел тебя к нам, опьяненным слегка,
Кто завесу отбросил, какая рука?
Кто привел тебя к нам, от разлуки сгоравшим
Как прохладу в пустыню, как вздох ветерка?

Ты уйдешь и оставишь в рыданье меня,
Но обрадует вдвое свиданье меня.
Поступай как желаешь, как сердцу угодно,
Расплавляя огнем испытанья меня.

Ты одна в мое сердце лишь радость несла,
Горем сердце мое твоя смерть обожгла.
Лишь с тобой мог терпеть я все горести мира,
Без тебя — что мне мир и мирские дела?

Знаешь, милая, сколько минуло ночей,
Как твоих мы не видели дивных очей?
Ты посланцев не шлешь и, как видно, не хочешь
Знать о нас или слышать звук наших речей.

Думал я, что верны обещанья твои,
Постоянства полны обещанья твои.
Нет, не знал я, что, как и столпы мирозданья
Свет очей! — непрочны обещанья твои!

Я сказал: «Твои локоны многих сумели сгубить».
И ответ: «Согласись, если любишь, не жить!»
Я сказал: «Не вкусить мне плода от любимого стана!»
И ответ: «Кто плоды кипариса сумел бы вкусить?»

Говорит мне душа — влюблена в его лик,
Звук речей его в самое сердце проник.
Перлы тайн наполняют мне душу и сердце,
Но сказать не могу — пригвожден мой язык!

Осветил мою душу подруги приход,
Улыбнулось мне счастье меж многих невзгод.
Пусть померкнет луна. И с угасшей свечою
Ночь с тобой для меня — словно солнца восход.

Суть кумира для смертных — душа бытия,
Что сжигает дотла все основы житья.
Чтоб найти эту душу, весь мир обошел я,
Но она в нашем доме — уверился я.

Мой кумир никому не являл чудный лик,
Но толпе не привяжешь досужий язык.
Она с жадностью басне нелепой внимает
Тех ханжей, кто к тиранству и сплетням привык.

Я сказал: «Мир и царства — творенье Твое,
Во вселенной безбрежно владенье Твое!»
Ты ответил: «О нас ничего не узнаешь,
Что узнал ты о нас — заблужденье твое!»

Не сраженных тобой наповал в мире нет,
Кто бы разум при том не терял, в мире нет.
И хоть ты ни к кому не питаешь пристрастья,
Кто любви бы твоей не желал, в мире нет.

В этом мире в степях не осталось камней,
Что войну не вели бы с судьбою моей.
Ни в одной из земель не найти человека,
Кто тоской не томим по улыбке твоей!

От огня твоей страсти лишь дым исходил,
Сердцу мало надежд он с собой приносил.
Повстречаться с тобой я прилежно старался,
Но раз не было счастья — бесплоден мой пыл!

Без друзей нам твоих даже миг не побыть!
По их воле страдальцем мне выпало быть.
Раз плененных тобой — словно тучи пылинок,
Как же солнце в окно наше может светить?

По ночам к Близнецам мои вздохи летят,
Реки слез моих глаз с морем слиться хотят.
Ты сказала: «Вино будем пить послезавтра».
Но до завтра продлится ли дней моих ряд?

Разум слаб, чтоб познать Твой величья предел,
Твою вечную суть он открыть не сумел.
Нет таких, кто проник бы в Твое совершенство.
Кто достоинств Твоих суть постигнуть посмел?

Чтоб возжечь к тебе страсть, нам лишь
искра нужна,
Опьяняет тобой в песне нота одна.
Чтоб убить нас, не нужны из глаз твоих стрелы,
Нам довольно хлыста, — если смерть суждена.

Круг лица твоего только начал свой ход —
В созерцанье его весь застыл небосвод.
Утро хвасталось дружбой с пленительным ликом —
Опозорилось небо — увидел народ!

В сердце правдой прозренье едва прорвалось,
Двум мирам в его зренье исчезнуть пришлось,
Будто сердце в стремленье к великому морю
Вдруг истаяло потом и с морем слилось.

Блеск корон слился в имени светлом твоём
Эмпирей и небо, Кааба — твой дом.
И теперь, когда ты стал великим имамом,
Ты объёмлешь весь мир всемогущим умом!

На пути Твоём — в поисках много племен,
Ищут всюду слова, но не суть и закон,
Суть же Истины в мире не всех озаряет,
Не познавший ее лишь болтать осужден.

Коль сегодня душа твоя в веру уйдет,
Вместе с Богом тебя заточение ждет.
Вздых, который посмеешь ты сделать без Бога,
Завтра пламенем жарким тебя обожжет.

Лишь Твое бытие повелело мне жить,
Без него не могло бытие мое быть.
Был всегда Ты, Ты есть и повсюду Ты будешь!
Кто потерпит урон, коль порвут мою нить?

Бытие двух миров — Твоя цель, Твоя суть.
Мухаммад! Твоя жизнь — прославления путь!
Мой приют — берега Твоего милосердия!..
Две реки моих слез мне струятся на грудь.

Твоя суть — это свет в тайниках бытия,
Свойств Твоих письменна — на дверях бытия.
Скрыт всегда от людей Ты завесой величья,
Но Ты явен всегда на торгах бытия.

Лишь я вместе с тобой начинаю тужить,
Как на свете все вдруг мне готово служить.
Дай же ради тебя мне пожертвовать жизнью —
Без тебя ей дано пищей ястребов быть!

Я, как сам Моисей, от насмешек устал,
Как Яхью, меня гнет неудач растоптал.
Ты терзаешь меня; Иисусу подобно,
Свои боли на нить я наматывать стал!

Лучше в идола верить, коль лик его — твой,
Лучше пьяницей стать, коль твой кубок — и мой!
Сладко в небытие я, любя, погрузился,
Оно в тысячу раз лучше жизни земной!

Полетел по лужайке, резвясь, ветерок,
Кипарис с высоты бросил дерзкий упрек:
«Веешь низко, со мною тебе не сравниться!»
Я сказал: «Близорук ты, хотя и высок!»

Где то сердце, что тайны Его может знать?
Где то ухо, что в речь Его может вникать?
Та луна днем и ночью мила и прелестна —
Где глаза, что способны ее созерцать?

Властелин всех держав — в том и есть Твоя суть,
Пред порогом Твоим нам понятен Твой путь!
Я в мольбах слово Истины вновь повторяю:
«Суете вопреки нам властителем будь!»

Она въяве была, но о том я не знал,
Среди нас находилась притом, я не знал.
Я постигнуть хотел, что же нас разделяет?
Что же нас разлучило потом? — Я не знал.

Ты — мне жизнь дорогая, Душа Ты сама,
В прославленье Тебя моя лютня нема.
Вижу я: Ты — прозренье для глаз полузрячих
Знаю я: Ты — живая вода для ума.

Только Бог! Ничего больше нет, знаю я,
Мне о том рассказала тетрадь Бытия.
Светом Истины сердце едва озарилось —
От неверья очистилась вера моя!

На тот вздох перед другом вовек не решусь,
Пред наперсником сделать его откажусь.
Если, кроме Тебя, его кто-то заметит, —
Вздох не сделаю этот, хоть жизни лишусь!

Из содружества трута, огнива, кремня,
Если трут не сухой, не возникнет огня.
Удаленность и близость Твоя, все — несчастье:
Даль и близость в кощунство ввергают меня.

Я жемчужину эту легко не отдам,
Мне мученья любви не заменит бальзам.
Твой порог мне дороже, чем царство Джамшида,
За два мира я твой волосок не продам!

Не Адам — нам наш праотец, данный судьбой,
До начала уж были мы вместе с тобой.
Не сегодня с тобою мы уединились, —
До рожденья сковали нас между собой.

Когда снова святые в скончании дней
Оседлают тела свои, будто коней,
В окровавленном саване встану из праха
У порога обители вечной Твоей.

Нужно таянье душ и нужна кровь сердец,
Чтоб пред Истиной взвился завесы конец.
Пред величием Твоим отвергается разум,
Двух миров Ты есть суть и достойный венец!

Свет в глазу муравья, — он зажжен от Тебя,
Краткий день мотылька, — даже он от Тебя.
Есть божественный свет в Твоей сути безбрежной,
Всякий низкий предмет отражен от Тебя!

Это Ты — жизнь и духа, и тела моих,
Это Ты — мое сердце и дух в сути их!
Ты — мое бытие, стал Ты полностью мною,
Это Ты, я растаял в просторах Твоих!

Суть времен! Где Тебя в этой вечности нет?
Нет нигде — где Тебя в бесконечности нет?
Не нужны Твоей сути причина и место!
Где Тебя в сей людской скоротечности нет?

Он явился ко мне: «Если ищешь меня,
Почему ты в исканьях того, кто не я?
Если ты вне себя, я — есть ты, ты стал мною,
Не ищи сам себя на кругах бытия!»

Я в волнении сердцем не мог овладеть,
Оно в поисках к небу сумело взлететь.
Ангел молвил там: «Истина всюду с тобою,
А не в нас — разорви заблуждения сеть!»

Нет надежд у меня на свиданье с тобой,
Нет терпенья на миг — что поделать с собой!
В сердце мужества нет, чтоб поведать о горе...
Что за дивная страсть вручена мне судьбой!

О лекарствах для тяжких больных знаешь Ты,
Толк в леченье, в спасении их знаешь Ты.
Рассказал бы Тебе я о ранах сердечных,
Но ведь как обо всем, и о них знаешь Ты.

Где же в небытии Твоей сущности нет?
Нет нигде, но собой пронизал все Твой свет.
Суть Твоя есть в мирах, но миры не нужны ей.
Где Ты есть? Ты — везде. Мир Тобою согрет!

Кем бы ни был ты — грешник иль лжец —
ты вернись,
Хоть безбожник, хоть идолов жрец — ты вернись!
Безнадежности нет в нашем светлом чертоге,
Хоть нарушил обет, наконец, — ты вернись!

Идол молвил: «О, жрец, почитатель ты наш,
Почему ты поклонник старательный наш?
Своему уподобил нас телу и лику
Тот из вас, кто творил нас, — ваятель был наш!»

Диво-птица! Лишь звезды — зерно для тебя,
Век с извечного дня дан давно для тебя.
Если ищешь ты чашу, где мир отразился, —
Это все в твоём сердце дано для тебя.

Ты, чей облик свежее пшеничных полей,
Ты михраба из райского храма милей!
Тебя мать при рожденье омыла амброю,
Подмешав в аромат капли крови моей!

Над губами любимой Ты бросил пушок —
И фиалка на розы легла лепесток.
Солнце в знак поклоненья письмо ей послало,
Написав на луне эти несколько строк.

Ты вошла — будто краской кто розу облил —
Вся зарделась, раскрылась без воли, без сил.
Почему кипарис пред тобой не склонился?
Он бы дорого этот поклон оплатил!

Древа юного ветви впервые цвели,
Плод сорви и желанье мое утоли!
Не лелей в голове ты бутоны надежды —
Нерасцветших надежд много в чреве земли...

Черный локон чернее, чем мускусный цвет,
С лалом губ твоих дружит души твоей свет.
Стан твой тонкий сравнил я вчера с кипарисом
Кипарис возгордился на тысячу лет!

Сердце свет от любимого лика берет,
Как свеча оно — гаснет и снова живет.
Вы сердцам-мотылькам о свече расскажите,
И рассказ тех, кто страждет, огнем обожжет!

На лице у возлюбленной нежный пушок
Красоты не убавил и на волосок.
Роза — створка к душе в цветнике ее лика,
Зеленеет она в предназначенный срок.

Те, кто верит, что души, чтоб смерть побороть,
Переходят из плоти опять-таки в плоть,
Посмотрев на тебя, говорили и клялись:
«Вот Юсуф, будет жить до пришествия в плоть!»

Плачут очи мои из-за цепи разлук,
Плачет сердце мое от сомнений и мук.
Плачу жалобно я и пишу эти строки,
Плачет даже калам, выпадая из рук...

Твоих локонов россыпь, так нежно маня,
Похищает меня до рождения дня.
Закрути их потуже, не дай разметаться,
Чтоб они не похитили снова меня!

Ветром в кудри ее залететь нелегко,
И страданий в любви не иметь нелегко.
Говорят, что глазам ее лик недоступен —
Оком пьяным, конечно, глядеть нелегко!

Я любимую радостно вновь обниму
И из памяти зло моих дней изыму.
Хотя пьяный словам мудрецов не внимает,
Но уж эти слова я, конечно, пойму!

Приходи, ведь душевный покой — это ты!
Ты пришла! И не кто-то другой — это ты!
И не ради души — ради нашего Бога
Дай увериться, тронуть рукой — это ты!

Весть от Бога в наш мир суеты — это ты,
Образец неземной красоты — это ты.
Вне тебя ничего нет для сердца на свете —
Требуй все! Воплощенье мечты — это ты!

Ты, кто тварей земных взял из небытия,
Создал небо и землю — основу житья!
Перед правдой Твоей все равны — шах и нищий,
И пропойца, и трезвый — Ты всем судия!

От любви к Тебе сердце скорбит все сильней,
Руку помощи, Боже, дай в скорби моей!
Если в чем-то в делах я Тебя недостоин,
Для меня-то есть все в благодати Твоей!

В мире праха рассеял я прах — все прошло,
Знал друзей и врагов я в делах — все прошло.
До придирок твоих, право, нету мне дела —
Отмахнулся, — прости мне Аллах! Все прошло.

Рвется в жизни ведущая разума нить,
И поступкам присущая разума нить...
Укрепи милосердия доброю цепью
В доме временном сущую разума нить!

Если вспомнить грехи — я греховности сын,
Обреченность — мой спутник, причина кручин,
Но известно: коль раб принесет покаянье,
То отпустит грехи ему все господин!

Мудрецы размышляли и ночью, и днем,
И к Твоим лишь вратам шли все тем же путем.
Оказавшись в итоге в обидном бессилье,
Перестали сражаться с судьбою и злом...

Те, кто щедр, за былинку горой одарят
И за вздох лишь один прегрешенья простят.
Там, где к тварям живым Бог всегда расположен,
Сто заблудших простят за один только взгляд.

Я без устали в мире грешу день и ночь,
Упованье на милость ношу день и ночь,
На людей на земле нет и тени надежды,
У Тебя милосердья прошу день и ночь!

Я шагал по пустыне любви все смелей,
Встретил тысячи в ней льющих гнев иль елей
Каждый мне говорил лицемерно иль гневно:
«Наклони эту чашу! Смотри — не пролей!»

Тот, кто суть божества в этой жизни постиг,
От насущных забот отрешаться привык.
Твой единственный взгляд люди ловят
как милость,
И за счастье чтут Твоей близости миг.

Когда будут счастливым их долю дарить,
Что-то смогут и мне, горемыке, ссудить.
Коль признают хорошим, — причислят к их лику,
А сойду за плохого... придется простить!

К христианам, к евреям я в храмы ходил —
Обращен на Тебя взор молящихся был,
Я к язычникам шел, помня встречу с Тобою,
Твой кудрей завиток им для четок служил!

Те, кто ложный имеют на Истину взгляд,
Те все ночи подряд лишь молитву творят.
Но зерно послушания лучше пред Богом,
Чем столетней молитвы ненужный обряд!

Каждым утром делюсь этой тайной с Тобой,
У порога мечети стою я с мольбой:
Милосердный к рабам, даже неблагодарным,
Горемыке, мне в жизни дела Ты устрой.

Взял из небытия, повелел Ты мне встать,
В быстротечности жизни — смятенья печать.
И теперь пред приказом Твоим я в сомненье,
«Наклони — не пролей!» — так я должен понять?

Красоту Ты кумира сумел сотворить,
В аромат гиацинта его заключить.
А теперь запрещаешь Ты им любоваться?
То есть — чашу склонить и вина не пролить!

О, умеющий помыслы в душах читать
И в минуты сомнений нам всем помогать!
Ты пошли мне раскаянье — для покаянья,
Чтобы мог покаянье мое Ты принять!

Боже, если грехи я большие свершил,
То свои же я душу и тело губил!
Я в твоём милосердии твердо уверен —
Вот пришел с покаяньем... и вновь нагрешил!

Я бежал от Тебя, но прими и прости,
И под сенью своей доброты приюти!
Не уйти от пути, что Тобой предначертан,
Начертал Ты, — так Ты и веди по пути!

Ты сказала: «Тоска обо мне — твой закон,
Отвернись от меня, если мной покорен!»
«Если лик твой киблой стал мне ныне для духа,
Как могу от киблы быть своей отвращен?»

Дел позорнейших груз не тревожит меня,
Жил, поступков порочных своих не кляня.
Не страшны мне грехи при Твоем милосердьи,
Страшен только позор мне для Судного дня.

Старый разума конь утомился в пути,
И пришлось нам к разбойникам в стан забрести.
Что ж теперь толковать? Перепутали двери —
И покоя на миг не смогли обрести.

«Я послушный!» — на зов Твой в смиренность скажу,
«Повинуюсь!» — в душевном волнении скажу.
Если Ты в милосердии скажешь: «Прощаю!» —
«Справедлив Ты, Господь!» — в восхищении скажу!

О, Господь, от неверных шагов отврати,
Дай смиренным в обитель Твою мне войти!
Пока трезв и добро я от зла отличаю,
Опьянив, от добра и от зла дай уйти!

Коль монах не грешит — всемогущ, Боже, Ты,
Мы в грехах — нам прощаешь грехи тоже Ты.
Для него — всемогущ, для меня — всепрощающ,
Что из двух Твое имя? Для нас — кто же Ты?

Мы привыкли на милость Твою уповать,
И покорность, и грех от себя отметать.
Будет милость Твоя — и мечта совершится,
И прощенье греха принесет благодать!

Зришь Ты наши грехи, хоть потерян им счет,
Но всеильная длань нам завесу не рвет.
Хоть я хуже плохих в этом мире греховном,
Милосердьє Твое раз от раза растет!

В поклоненье Тебе равны солнце с луной,
Пусть служенье Тебе будет вечно со мной.
Ты отводишь невзгоды и счастье Ты даришь,
Отводи и дари — всякой твари земной!

Нищетой и нуждой окружил Ты меня,
И с разлукой и с болью сдружил Ты меня.
Это вечный удел всех подвижников веры!
Так за что же в него превратил Ты меня?

Бережешь Ты меня от случайных невзгод,
От недобрых вестей и житейских забот,
И чем больше моих лицезрешь пороков,
Тем я больше Твоих удостоен щедрот!

То престол Соломона даришь подлецу,
То пророка венец — сироте иль слепцу.
О, Господь, может быть, из садов всепрощенья
Ветерок к моему прикоснется лицу!

Всех бродяг, бедняков и больных знаешь Ты,
Всех беспомощных с горестью их знаешь Ты,
Если я позову Тебя, стоны услышишь,
А смолчу — и наречье немых знаешь Ты.

Удручен я и нищ, и о том знаешь Ты,
О лекарстве для сердца земном знаешь Ты,
Так зачем говорить мне о боли сердечной? —
Без признаний моих обо всем знаешь Ты.

Ты, чья милость — мерзавцу одна из опор,
Чье прощенье порой прикрывает позор,
Ты помилуй раба, кто в пути бесприютный,
На порог Твой возводит с надеждою взор!

Раз Ты — тот, кто нам блага для жизни дает,
Раз Ты — тот, кто нас судит и нам воздает,
Так зачем моя исповедь в тайнах сердечных? —
Раз Ты — тот, кто их знает наперечет?!

Ты, кто дарит живым красоту из красот
Иль сердечную боль или скорбь раздает,
Хоть не дал ты нам радость, но мы благодарны,
Ведь стократ ты щедрей при раздаче невзгод!

Коль не пью я вина — значит, я не созрел,
Если пью я всегда, то позор — мой удел.
Можно пить мудрецу, также шаху, бродяге,
Так не пей, раз одним из них стать не сумел!

Здесь толпа лишь дымит, а горения нет,
Все мне чужды, надежд на спасение нет.
Из-под гнета судьбы поднимаю я руку —
Нет ответа, и пользы в молении нет.

Не толкуй, что не щедр к нам на милости Бог;
Что ты знаешь — ничто, и молчи про зарок.
Столько юных существ, коих губы как сахар!..
Дать зарок?! Или нам мусульманство не в прок?

Мой позор далеко по земле прошагал,
Я тридцатый уже одолел перевал.
Нет отрады! Сто чаш осушу — был бы случай,
Ибо свадебный пир уж давно миновал!

Принесу ради честных себя в жертву злу,
Подлецы же пусть сгинут, воздам им хулу!
Беден я — вот и дружит со мной только горе,
И за верность ему и воздам я хвалу.

Когда тяжесть грехов станет спину сгибать,
Милость Бога по-прежнему будет нас ждать.
Почему час расплаты на завтра отложен?
Чтоб до дня Воздаяния путь скоротать!

До того, как из тела мой дух не взлетел,
Я приверженец страстный приятнейших дел.
Сто шипов пошлю в бороду я за упреки,
Ведь последствия дел — лишь блудницы удел!

Будет столь же смятенным весь мир после нас,
В сотни тайн не проник пронизательный глаз.
Жаль, что свет тысяч мыслей, глубоких и тонких,
В безрассудстве людском, не родившись, погас.

Груз грехов моих веру крушит без труда,
Заставляет святош убежать от стыда.
Если груз этот тяжкий попробуют взвесить,
Без сомненья, сломают весы в день Суда!

Ты, для коего грех — повседневный удел,
О котором достойный и думать не смел!
Ведь нацеливать грех в сердце вечной науки
Для разумных — невежества крайний предел!

Не спешите неверье мое осуждать —
Веры крепче моей в мире всем не сыскать.
И такой я один! Еретик ли я, Боже?
Так кого ж мусульманином можно назвать?

Пока друг мне вина в пиалу не нальет,
Целовать меня, право, судьба не придет.
Мне твердят: «Для раскаянья время настало!»
Не могу! Бог раскаянья мне не дает!

Я был должен безбожному сердцу сказать:
«Смерть придет, и пора бы уж разум призвать!»
И, смятенному, мне мое сердце сказало:
«Я мертво от рожденья, живым мне не стать!»

Не питаю надежды на верность пути,
От ошибок и сердце не может спасти.
Спать не буду я впредь, буду пить лишь вино,
Ибо долгий мне сон предстоит обрести.

Рвется связей людских изначальная нить,
Привязаться — к кому? Что — любить?
С кем дружить?
Человечности нет. Лучше всех сторониться
И, души не раскрыв, пустяки говорить.

Мне казалось в какой-то восторженный миг,
Что наукой и мудростью тайны постиг.
Но поверие — мудрость и ширма — наука,
И презрел я тогда их обманчивый лик.

Стану твердым, как камень — шлифовкой доймут,
Стану мягким, как воск — сразу плавить начнут.
Коль согнусь, то, как лук, тетивой буду стянут,
Распрямлюсь я — стрелой в стан враждебный
пошлют!.

Вроде б нету меня — бытие все ясней,
И стою высоко — вниз качусь все сильней.
От вина бытия, мне казалось, я трезвый,
Становлюсь же на деле пьяней и пьяней.

Винопитье меня в этой жизни хранит,
Гнет небес опьянение мне облегчит.
Раз корабль моей жизни уж близок к крушенью,
Значит, надо заранее выбросить щит.

Понял я: одиночество лучше друзей,
Чтоб не видеть добра или зла у людей,
Чтобы строго в своей же душе разобраться, —
Лишь затем для людей быть меж строгих судей.

Мы в наперсниках были у чаши вина —
И в свиданиях тайна была нам нужна —
Как боялись в поступках себя опозорить!
Опозорены ныне — молва не страшна!

Мы беспечны в заботах о жизни земной,
Не заботимся утром о пище дневной.
И из Кухни небесной мы ждем сокровенья,
На земле не питая надежды иной.

Почему не даю я зорока не пить?
Пить вино мне не может никто запретить.
Есть, конечно, запрет пития лицемерам,
А за грех мудрецов дайте мне заплатить!

Зарекался и вновь нарушал я обет,
И обет уж давно от меня вопиет.
Я разбил вчера чашу во имя обета,
А сегодня в честь чаши нарушил запрет!

Кирпичи уложив, я по ним не пойду,
Впредь у нивы с вином жизни миг проведу
Из-за малости всякой пылать я не буду,
Не найдется красотки — дурнушку найду.

Нам с красавицей юной лишь флейта нужна,
В уголке мы укрылись с кувшином вина.
Чуть согреет вино наши нервы и жилы,
Не приму чьей-то милости даже зерна!

Пусть весь мир перед шахом покорный лежит,
Ад — плохим, рай же праведным принадлежит.
Четки — ангелам, свежесть — заоблачным кущам
Нам — любимых и души их дать надлежит!

Ты, кто высь небосвода не раз исходил
И чьим вестником храма предстал Джебраил,
Бытия ты и разума вечный посредник,
Чем свободу у Бога свою заслужил.

Медресе выпускает развратников рать,
Присвоенье вакуфа — жестокости мать.
Жить в трущобном углу на довольствии нищем
Значит в царстве свободы всегда пребывать.

Кто безропотно к старой подстилке привык,
Чей привержен к гашишу и ум, и язык,
Говорят: «Мы лишь лвята в игре безобидной!»
Да, потерян у них человеческий лик!

Не останется ив или тени от них,
Сребротелых красавиц и прелести их...
Не останется в мире, таком быстротечном,
Чар волшебных твоих и молений моих...

На пиру бытия пьянство — подлый изъян —
Не услышишь и флейты, и в сердце — обман.
Даже пьяницы все отреклись от пристрастья,
Городской мухтасаб лишь по-прежнему пьян.

Коль тоске удалось сердце болью залить,
Опьянеть ему надо иль вновь полюбить.
Нет вина у тебя? — Ты пришли мне той влаги,
Что, как чашей, пригоршнями можно испить.

Лик свой светлый Адаму Творец подарил,
Также тайну гарема он другу открыл.
Все, что было сокровищ в казне у Вселенной,
Милосердный властитель Адаму вручил.

Говорит кипарис: «Как красив ее стан!»
Говорит: «Я подавлен, познав свой изъян!»
«Что с тобою?» — шумят беспокойные птицы,
Говорит: «Ноет сердце и слез — океан!»

Жаль щенка! В беготне постоянной он был,
И на ветер степной он тогда походил.
Так он жаждал костей, что в несчастной погоне
Прямо в зубы кабаньи — увы! — угодил...

Наш под куполом этим мятущийся лик
Муравью лишь подобен, что в склянку проник:
Ведать нам не дано о надежде и страхе —
Ослепленно блуждаем, как мельничный бык.

Пять сынов у отца — как в опорах столбы,
Мы подобны перстам на руке у судьбы.
Если мы распрямимся, то взмоем как знамя,
А сожмемся — единый кулак для борьбы.

Розу я увидал, забредя в уголок,
Над рубашкой разорванной плакал цветок:
«Кто нарушил покров моей прелести юной?»
«Это я!» — горделиво шепнул ветерок.

Что не может нас здесь удивлять, ты скажи!
Кто способен о мире все знать, ты скажи!
Кто прожил в нем хоть день, только радость
вкушая, Чтобы завтра уже не рыдать, ты скажи

Говорят: есть гашиш — так тоска не страшна,
С ним ни арфа, ни чаша вина не нужна.
По учению знающих точно известно:
Лучше сотни наркотиков — капля вина!

Быть в глазах не воде, а слезам суждено,
Быть для горя терпение другом должно.
Или долгой быть жизнь должна в меру страданья,
Иль должно в меру жизни быть кратким оно.

Появился распутник средь белого дня,
Будто в адском чаду, будто весь из огня,
Он разбил мой кувшин — пусть живет он недолго! —
С этим чистым вином и притом — у меня!

Над домами питейными вышла луна,
В эмпиреях шатер развернула она.
Из шатра вздох печальный вдруг в небе раздался:
«Зыбкий мир этот, право, не стоит зерна!»

Милый отрок, хоть с верой в Христа тебе жить,
Подойди! Постарайся же страх победить,
Чтобы с глаз осушить моих горькие слезы
Иль уста твои к старым устам приложить.

Что до новшеств у нас — недостатка здесь нет,
Значит, в мире в делах и порядка здесь нет.
Понапрасну не надо терзать себя горем —
Ведь от жизни такой нам не сладко здесь, нет!

Ты — нам милости море, щедрот ты родник,
Нам ответить изволь на вопрос, что возник:
«Только Бог был и не было в мире другого,
Если нет ничего, где же Бога был лик?»

Завтра будешь, ходжа, ты за все отвечать,
Завтра можешь презренным пред небом предстать
Будь достойным в деяньях, чтоб ты пред Судьею
Завтра мог без стыда и позора стоять!

О, душа моя, встреча с тобой мне нужна,
Для меня эта ночь, как твой локон, длинна!
Чтоб поймать эту птицу свиданья с тобою,
Очи зорки мои не ведают сна!

Я страдаю, к тебе мои вздохи летят,
От разлуки стал мрачным и дом мой и сад.
Далеки от тебя мои очи и сердце,
Все же сердце с тобой! На дороге — мой взгляд!

Вопрошающий, вот тебе краткий урок:
Не имеет какой-то обители Бог!
Ты не можешь постичь? Загляни себе в душу —
Где в твоём существе для нее уголок?

Вы в дороге любви не гоните коня —
Вы падете без сил к окончанию дня,
Не кляните того, кто измучен любовью —
Вы не в силах постичь жар чужого огня.

Свет очей, вдохновение наших сердец!
Наш удел — лишь мучение наших сердец!
От разлуки душа вдруг к губам подступила,
Встреча лишь — исцеление наших сердец.

О, кумир! Дружбу ты почему прервала?
Где же верность твоя в это время была?
Я хотел за шальвары твои ухватиться —
Ты рубашку терпенья мою порвала!

Волос твой — гиацинт, что завитым рожден,
А глаза, как нарциссы; нарцисс — это сон,
Лалы — хмель, что всегда неразлучен с нектаром,
Весь твой лик — как огонь, коим я ослеплен.

Звонкой песней всех струн воспевай ты вино,
Говорящего дело не слушать — грешно.
И не будь никогда ниже вьючной скотины,
Коей воду испить лишь под свист суждено.

Не ищи у людей дружбы ты никакой —
Не найдешь — как и тени под веткой сухой.
Бережливый достоин, а жадный унижен,
Жизни дом на достоинстве прочном построй!

Вместе солнцу с луною подобен твой лик,
Цвет рубина от губ твоих дивных возник,
Здесь фиалку лелеет сад этого лика
И живую водою поит каждый миг.

Суть жемчужин любви — из других рудников,
А приют для любви — меж других облаков.
Птица та, что клюет зерна муки любовной,
Из другого гнезда, вне миров и веков.

Солнце ль — щеки — не знаю — иль это луна,
Губы — мед ли — не знаю — иль сладость вина,
Кипарис ли — не знаю — иль облик подруги,
Человек или пери — не знаю — она...

Ты властитель небес, и Тебя описать
Человеку простому совсем не под стать.
Оба мира — ничто по сравненью с тобою,
Там, где Ты, им лишь ниц пред Тобой упадать.

Память — след твой — у нас поселилась в сердцах,
Страсть, как узник, навек затворилась в сердцах,
И из рабства тебе никогда я не выйду,
Пока жизни свеча сохранилась в сердцах.

Перед хлебом насущным ничтожна халва,
И парча перед рубищем грубым мертва.
Сколько можно болтать о Джемшидовой чаше?
Эта наша у каждого в сердце жива!

Не убудет луна твоя в месячный срок,
Украшая, был щедр к тебе скаредный рок.
Жизнь и мир этот, право, покинуть не трудно,
Но как трудно покинуть всегда твой порог!

В этом мире любовь — украшеньё людей,
Быть лишенным любви — это быть без друзей.
Тот, чье сердце к напитку любви не прильнуло,
Тот — осел, хоть не носит ослиных ушей!

Ученик кузнеца к окончанию дня,
Подковавши коня, задремал у огня.
Кто видал, чтоб сама бы луна в полнолунье
Серп луны прикрепляла к копыту коня?

У язычников в храме мы все влюблены,
И вину, и жрецу поклоненья полны.
Власть над сердцем забрал черный локон подруги,
Мы в смятенье на землю упали... Пьяны!

Расположен я сердцем моим к дервишам,
И обязан я духом своим дервишам.
Не давай дервишам ты название нищих —
Даже мира Султан служит им, дервишам!

И охотник, и дичь, и зерно — это Он,
Виночерпий и друг, и вино — это Он.
И в языческом храме я снова увидел —
В чуждом капище жрец — все одно — это Он.

Ткач, которому в жертву я душу принес,
Привязал мое тело «основой» волос.
Когда он без «утка» гребнем холит «основу»,
Я как будто в плену удивительных грез.

Хоть нарциссы-глаза ищут повод для смут,
В дугах черных бровей смех и радость живут.
Эти дуги, что выше прекрасных нарциссов,
Будто речь о своем верховенстве ведут!

Когда первопричин зарождалась лишь связь,
Тогда с хаосом искра господня слилась.
В алфавите миров, еще знаков не зная,
Части с целым слились в неразрывную связь.

В мудрой речи ведет разумения нить,
А в беседе с толпой можно горе вкусить.
Надо выпить вина! Ты мне чашу наполни,
Ведь сегодня мне тоже не хочется жить...

Нет хором для души, кроме этих кудрей,
Нет для сердца михраба без этих бровей.
В твоём лике души моей видится облик,
Нет зеркал для души без улыбки твоей!

Нет колючки такой в этих знойных степях,
Что не липла б ко мне и в судьбе, и в делах.
Всем моим существом стал я людям враждебен,
Там, где я, там кругом только ссоры и страх!

Когда жреческих душ разнородный синклит
Выйдет к Богу на суд из-под каменных плит,
Лишь тогда только Бог, что к чему, разберется
Кто в раю заживет, кто в аду возопит.

Ну, допустим, что будет тебе и почет,
И желаний твоих исполнение придет,
Где же старых друзей ты и юности время
Обретишь в суете, меж почетных забот?

В плен турчанка нарциссами сердце взяла,
И кудрями, как неводом, обволокла,
Приготовила сокола тотчас к охоте
И к рукам меня снова — увы! — прибрала!

Сад лица твоего — жаль — бурьяном зарос,
И тюльпан твоих щек в клюве ворон унес.
Даже киноварь уст, и она потемнела,
На багрец твоих губ ветер осень принес...

В сад я в горести вышел, и утру не рад,
Розе пел соловей на таинственный лад:
«Покажись из бутона, возрадуйся утру,
Сколько чудных цветов подарил этот сад!»

И вино, и любовь, и зоннар есть у нас,
Крест и храм, виночерпия бдительный глаз.
Мы вольны, холосты, мы — поклонники чаши,
И с добром, и со злом обнимались не раз!

Эта родинка, мук моих горьких исток,
Заняла навсегда ее губ уголок!
Бог, создавший для нас ее крошечный ротик,
Это зернышко жить возле круга обрек!

Плод ума мудрецов можно ль чувством стереть
Или завистью золото расплавить на медь?
Глупый словно собака, мудрец — словно море,
Осквернить это море и псу не суметь!

Наступил этот праздника радостный час,
Много нег и услад он готовит для нас.
На странице твоей Книги мира извечной
«Вечно жить!» — для тебя там начертан указ.

Блага мира — как мед; кто его переел,
Возбужденье в крови, жар и дрожь — их удел.
А тиран, что кебаб ест из печени нищих,
Коль взглянуть — в пожирание себя преуспел.

От чела твоего — белых роз аромат,
Твои волосы мускуса запах хранят.
Из рубиновых уст блещут райские перлы,
У дверей твоих страх и смятенье царят.

Благочестия путь — есть презрение благ,
Ведь стремящийся к ним беден духом и наг.
Будь смиренным, как будто ты уж под землю —
Под землей сохранишь жизни праведный знак.

В жертву жизнь у порога к Тебе принести —
Это будто в Керман тмин душистый сvezти,
А пожертвовать верой, и жизнью, и миром —
Саранчиную лапку лишь преподнести!

Сахар ты, если б мог он улыбкой сиять,
Кипарис ты, коль мог бы он гордо ступать,
Ты — луна, если б в небе луна говорила,
Ты — свеча, если б та так умела пленять!

Только солнце успело Твое воссиять,
Как на поиск душа полетела блуждать.
Онемел мой язык — милость мне не прославить,
Суть достоинств Твоих и уму не понять!

Колесо небосвода — как мельничный вал,
В этой мельнице жернов износа не знал:
Сколько б мерок зерна ни насыпало время,
Ненасытный и жадный, он все пожирал...

Те, для коих у тайны разорван покров,
Неспокойны за судьбы людей и миров.
Лишь страданья Любви они в мире приемлют —
Там, где нету Любви, приговор их суров.

Взгляд любимая нам подарит, может быть?
И тиранство свое прекратит, может быть?
Есть ли сила, что стан с прямою «алифа»
Вдруг согнув, в букву «дал» превратит?
Может быть...

Стан ее — кипарис, а лицо — лик луны,
Будто сахар уста — и свежи и нежны.
Завитки у кудрей и ресницы любимой
Как кольчуга и копыя, — но мне не страшны!

Посвященные в тайны небес хоть скромны,
Но в могуществе духа царям лишь равны.
Пусть в глазах христиан, мусульман, иудеев
Их заблудшими чтут, но пути их верны.

Глуп навеки вина абсолютный запрет.
Благородный приемлет лишь этот совет.
С двадцати — дозволяется. Необходимо —
Тем, кто в жизни добрался до зрелости лет

Не в колючке — в любовном цветке аромат,
Сластолюбец не каждый им также объят.
Не взирай же с презреньем на жизнелюбивых
Чем ты сам обделен, тем твой ближний богат.

Тот — дервиш, кто по жизни безвестным идет,
Бескорыстный, наград и подачек не ждет.
Даже в пламени бедности вечно сгорая,
Он чужого плода никогда не сорвет.

Сердце, коему жить без любви суждено,
Не живет в бытии, уже мертво оно.
И считай человека при жизни усопшим,
Если мира любви ему знать не дано,

Всех великих вершин Он — начало начал,
Для всех форм и для мыслей земных — идеал
И когда был Адам лишь водою и глиной,
В мире духа уж путником Он пребывал.

Аскетизма ковер запятнаю вином
Я сегодня, оставшись с любимой вдвоем.
Ну, а завтра, хоть жги, хоть ласкай меня, Боже,
Ты направишь меня наилучшим путем!

Весел будь! Есть ведь в мире и польза и вред,
И зачем ты горюешь о том, чего нет?
Кто добился чего-то, войдя в эти двери?
Когда выйдешь из них, не изменится свет!

Не завидуй — почувствуешь гнет над собой,
А унизишь кого — он навек пленник твой.
Пока можешь, поддерживай ближних в невзгодах,
Тот, кому ты помог, будет рядом с тобой.

Луноликой моей и Луны виден лик,
Я от вида двух лун головою поник.
Я увидел луну на земле и на небе,
И затмилась небесная в этот же миг!

Много зла, что казалось мне раньше добром,
И добра, что ко мне обернулось лишь злом!
Я не знаю, чего я хочу? Дай мне, Боже,
То, что благо внесет в мою душу и в дом!

Долю ту, что мне пекарь возлюбленный даст,
Он не злобно, а ласково, нежно подаст.
Я в руках у страданья — как мягкое тесто,
И боюсь — он огню меня снова предаст!

Говорил я любимой не раз и не два:

«Ну зачем ты всегда так ломаешь слова?»

«Как же выскочить им чрез мой маленький ротик,

Если их не сломаю на части сперва?»

Ищет разум познания сути Твоей,

Ищет разум Тебя по вселенной по всей.

Где покой для сердец и для душ? Я в сомненье —

То ли в сердце Ты есть? То ль в душе Ты моей?

На кругу бытия длинный штрих начерти,
Точку-сердце, где следует, в нем помести.
Если в центре лишь дрогнет и сдвинется циркуль,
Его кончику точку опять не найти!

Чтобы к Истине ближе, живя, подойти,
В себе похоть ты, как Моисей, укроти,
Сбрось с себя поскорее сандалии страсти,
Чтоб, как он, до вершины Синая, дойти.

О, богатство и юность, любовь и весна,
О, трава и ручей, радость чаши вина...
Ты для тех хороша в винопитии утра,
Кому песня пичужек и флейты слышна!

Сколько сахара спрятано в сладких устах,
Россыпь перлов прекрасна в рубинах-губах —
Одаряешь ты ищущих амбры китайской
Амброй в локонах черных и их завитках!

Златом можно красавиц любых покорить,
Чтоб плоды этих встреч и сорвать, и вкусить.
А нарцисс-венценосец уж голову поднял, —
Погляди! Златом можно от сна пробудить!

Разве муки любви могут радость мне дать?
Разве сердце способно советам внимать?
Сердце пленником стало кудрей твоих черных
Разве плен заставляет в безумство впадать?

На убитого горем, страданием смотри,
На молящего о подаянье смотри!
Твоего недостоин, я знаю, порога,
Боже, мне помоги, на меня не смотри!

«Так каков же твой лик?» — «Он сравним
лишь с Луной!»
«А уста?» — «Они — сахар услады земной!»
«Ты не делай!» — «Чего?» — «Да деяний
жестоких!»
«Буду делать!» — «Ну, смилуйся ты надо мной!»

Что от страсти к тебе я, страдая, вкусил?
Днем и ночью я боль и несчастье сносил,
Мое сердце в крови, и душа исстрадалась,
И глаза мои влажны, а сам я — без сил.

Если облик любимой пред взором возник —
Образ света иль мрака несет ее лик.
На влюбленном лице он найдет отраженье,
Как сияньем кумира рожденный двойник!

Живи с разумом в дружбе и с ним умирай,
Без привалов по жизни гоним — умирай.
Признак жизни — любовь, без нее — прозябанье!
Прозябаешь, ненужный живым — умирай!

Издаече прибывший, ты не суетись,
Быть подобным незрячей стреле не стремись!
И в грядущем пути пред неведомой далью,
Как юнец неразумный, нигде не мечись!

Честолюбцем, к главенству способным, не будь,
Будь бальзамом, а жалу подобным не будь.
Коль не хочешь, чтоб в жизни тебя обижали,
Не внушай ты дурного и злобным не будь!

Коль не весело, все же с надеждой живи,
А греховность — от знаний, невеждой живи!
Если демон толпы тебе душу тревожит,
Скрыв и душу, и очи за вежды, живи!

Ты прилежным в познании Господа будь,
Пока в силах, — ищи себе праведный путь.
Долго ль будешь ты жить весь в оковах из золота?
«Кроме Бога, нет Бога!» — ведь в этом вся суть!

Если знанья вино сможешь в разум впитать,
То молчи — тайн великих не смей продавать!
И ушей не ищи ты для слов драгоценных —
Станешь морем бескрайним, коль будешь молчать!

Страсть к тебе порвала одеяние роз,
В аромате твоём есть дыхание роз.
Ты нежна, блестки пота на шелковой коже,
Как роса в чудный миг раскрывания роз!

Локон — ночь, а лицо твоё — утренний свет,
И в миндалинках глаз твоей власти секрет.
Знает Бог, — для души моей ты лишь услада,
Коль не вижу тебя — и услады мне нет!

Переняло вино губ твоих яркий цвет,
Кипарису с тобою сравнения нет.
Поспеши с полнолуния сорвать покрывало,
Чтоб до ночи явился желанный рассвет!

Полюбил я тебя — в сердце боль у меня,
Печень вся сожжена от разлуки огня.
Я в тоске, что твой лик не увижу сегодня!
Очи взвел к небесам до рождения дня.

Раз в гончарне кувшин я дешевый купил,
И, наполнив его, я к друзьям поспешил.
А кувшин мне сказал на наречии тайном:
«Как и ты, я при жизни без отдыха пил!»

Когда в грезах о лике твоём пребывал,
Лепестками из роз я свой взор услаждал.
С чашей радости был неразлучен всю ночь я,
Пил вино и на чанге певучем играл...

Мню себя я ничтожным, но это не так,
Мню себя за толпой, а на деле — вожак.
В мире мертвых вещей я — вершина творенья
И кажусь посторонним, но им — не чужак.

Рядом могут мудрец и безумец скорбеть,
Рядом капище в царстве твоём и мечеть,
Смело жертвуют жизнью свои и чужие,
Ибо перед Тобой они рады сгореть!

Мы для плоти вселенной — душа ее, суть,
Мы, кому в ее тайны дано заглянуть.
Присмотрись — лучше нас ничего нету в мире,
Мы связуем миры между ними — наш путь!

Мир любви обрести без терзаний нельзя,
Путь любви отвести по желанью нельзя.
И пока от страданья не станешь согбенным,
Суть сего донести до сознания — нельзя!

Этот отрок-кафир меня хочет убить,
Меч — разлука с собой — это лучше, чем жить.
Эти юноши к вам принесли свой обычай —
Мусульман за Ислам, где придется, казнить.

Для чего каравану идущих страдать,
Миг двух дней, нам отраду дающих, страдать?
Все ничто — мы и мир, даже радость и горе,
Так негоже о том, что не суще — страдать!

Твои брови, что склонны сердца похищать,
Приучили глаза твои стрелы метать.
Над глазами они, красоту охраняя,
Потому не дано им глаза увидеть.

Сердце к злу тебя клонит — так делай добро!
Может узел распутать умело добро.
Если оба спешат стать навек твоим другом,
То в друзья выбирай себе смело добро!

Ты как будто сначала дружила со мной,
Но потом враждовать вдруг решила со мной.
Не отчаялся я, что судьба отвернулась:
Вдруг по-прежнему станешь ты милой со мной?

Мое сердце в любви за глазами идет,
Мое сердце в пути скорбь жестокою пьет,
Если сердце свое потеряю когда-то,
Мое сердце от глаз лишь твоих пропадет.

Только суть, как достойно мужчин, говори,
Лишь ответствуя — слов господин — говори.
Уха два, а язык дан один не случайно —
Дважды слушай и раз лишь один — говори!

В звуках флейты стон сердца ты мой улови,
Случай часто, узнав о страданиях любви!
Хочешь знать ты о пище души для влюбленных
Вздохам флейты внимая, на свете живи!

С влажной розы ты, сбросив стыдливый покров,
Принесла мне сумятицу в виде даров.
С волосок твоя талия! Лик покажи мне!
Я расплавлен как воск и к страданиям готов!

Сделал нас Ты щитом для убийственных стрел,
Никогда нам вниманья дарить не хотел.
Что Ты видел от нас? Только преданность взора!
Что же свет Твоей милости нас не согрел?

Раз в разлуке с тобой мне целителя нет,
Я сгораю, как будто я в пламень одет.
В ночь свиданья с тобой с этой жизнью расстанусь —
Разлученному мне дня не радостен свет!

Лик твой — день, с ним и локоны в дружбе всегда,
Роза — ты, а в шипах — разлученья беда.
Твои кудри — кольчуга, глаза — словно копья,
В гневе ты — как огонь, а в любви — как вода!

О, проворный гончар, знать тебе не дано,
Что покинуть сей мир и тебе суждено.
Ведь настигнет беда, и гончар неизвестный
Прах твой вмесит в кувшин, чтоб в нем жило вино.

Видал птицу я в Рее на груди камней,
Хатем-Тая там череп лежал перед ней.
Говорила она: «Как подать, предводитель,
Хосров-Кею без щедрости мудрой твоей?»

Глянул в мир я — и юн, и к познанию готов —
В мир единый и стройный, основу основ.
Все диковинным стало, единство распалось —
У одной лишь руки стало сто рукавов!

Та стоянка тиранства, что всем нам дана,
Каждый миг приближает нас к смерти она.
И пока твой черед жизнь отдать не свершился,
Почему ты бежишь от любви и вина?

Полагаешь, что ты — как родня небесам?
Глуп же ты, если пьешь этот сладкий бальзам.
Пей беспечно вино, не ищи бедной доли —
По знакомству обитель не выберут нам!

Безупречна над миром Твоя чистота,
А безгрешность Твоя — как Твоя высота.
Пред Тобой все миры — как пылинки вселенной
Сотни тысяч Адамов — лишь прах и тщета.

Роз цветенье! Повсюду напевы слышны,
Сотни пиршеств в садах в пору нежной весны.
О любви и о розах любой помышляет,
Мы ж — тоской и кладбищенской думой полны.

На руинах печалилась птица одна,
Череп шаха держа, вся страданьем полна,
И твердила ему, причитая и плача:
«Умер ты! Не унес ты с собой и зерна!»

Если сутью наук всех людей овладеть,
То судьбы все равно избежать не суметь.
Тот приказ на челе, что от века начертан,
Не дано нам подчистить иль просто стереть.

Брось раздоров невзгоды, пока ты в пути
Посвяти правде годы, пока ты в пути.
Терпишь тяготы ты, сберегая богатства...
Раздавай и расходуй, пока ты в пути!

12+

Притчи и афоризмы

САМЫЕ МУДРЫЕ ПРИТЧИ И АФОРИЗМЫ ОМАРА ХАЙЯМА

Ведущий редактор *Е. Королева*
Корректор *И. Мокина*
Технический редактор *Е. Кудиярова*
Дизайнер обложки *Д. Бобешко*

Подписано в печать 12.02.2016.
Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 15,81.
Тираж 3000 экз. Заказ № 1735

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
129085, РФ, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 3, комната 5

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, жұлдызды гүлазар, д. 21, 3 құрылым, 5 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: lingua@ast.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92
факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Серия «Притчи и афоризмы» представляет Вашему вниманию

«Притчи о котиках» наполнена самыми трогательными и необыкновенными историями о животных. Эта книга — доказательство беззаветной преданности и настоящей искренней любви — чувств, которыми в наше время надо дорожить.

Мы любим котиков во всех проявлениях, всегда рады красивым иллюстрациям и смешным видео с их участием, а также всяким мягким плюшевым или глиняным «котовещицам», которые заставляют нас улыбнуться. Трудно представить свою жизнь без домашних питомцев, ведь в каждом доме эти милые и обнаглевшие пушистые мурлыки дарят нам ощущение теплоты и уюта.

ОМАР ХАЙЯМ

самые мудрые

ПРИТЧИ

И АФОРИЗМЫ

Эта книга собрала в себе самые мудрые притчи и афоризмы великого поэта Востока и одного из самых известных мудрецов и философов. Высказывания Омара Хайяма, передающиеся от поколения к поколению, наполнены глубоким смыслом, яркостью образа и изяществом ритма. С присущим Хайяму остроумием и саркастичностью он создал изречения, которые поражают своим юмором и лукавством. Они дают силы в трудную минуту, помогают справиться с нахлынувшими проблемами, отвлекают от неприятностей, заставляют думать и рассуждать.

*Мир я сравнил бы с шахматной доской:
То день, то ночь... А пешки? – мы с тобой.
Подвигают, притиснут – и побили.
И в темный ящик сунут на покой.*

*Что мне блаженства райские – «потом»?
Прошу сейчас, наличными, вином...
В кредит – не верю! И на что мне Слава:
Под самым ухом – барабанный гром?!*

